

1. Мечты о себе и мечты об обществе

Пожалуй, первый вопрос, на который надо получить четкий ответ, обращаясь к анализу «русской мечты», – это насколько нашим гражданам свойственна мечтательность? И если да, то есть ли у них своя особенная мечта, отличающаяся от мечтаний граждан других стран?

Отечественная литература, с одной стороны, богата размышлениями на эту тему, а с другой – очень скудна, по крайней мере, в плане конкретного эмпирического материала. В России еще не проводились массовые исследования на эту тему. Традиционно разнообразие общественной мысли по данной проблеме определялось более широкой постановкой вопроса – о «русской идее». При этом русских мыслителей объединяло экзистенциальное понимание «русской идеи – как смысла, вокруг которого организовывается вся жизнь человека, включая жизненные цели людей и их мечты¹. С развитием социологии как науки об интересах, потребностях и ценностях² экзистенциальное, абстрактное понимание русской идеи со временем все больше вытеснялось её функциональным измерением – преимущественно через призму понятий цели, ценностей и самоидентификации.

Такое разведение на социально-философский и социологический уровни анализа, хотя и решает проблему количественного измерения русской идеи, на деле же теряет из фокуса её «энергетическую» составляющую. Проблему не решают даже такие уникальные архивы социологической информации, как данные по динамике ценностей россиян, накопленные сотрудниками Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН за более чем 20-ти летний период наблюдений за российским обществом, материалы Левада-центра по изучению «российского человека» и установок россиян или опыт исследований ценностей Института социологии РАН. Ценности по своей природе предполагают оценку того, что есть «хорошо» и «плохо». Более того, часто они не осознаются самим человеком, существуют в его сознании как бы «подспудно» – как правило, в массовых опросах в таких случаях человек о них вспоминает только «по подсказке». Вместе с тем, мечта всегда артикулирована, ее осознание не связано с субъективной оценкой «хорошего» и «плохого», но в то же время, отражая устремления души, обычно имеет эмоциональное подкрепление.

Поэтому с методологической точки зрения исследование о русской мечте может рассматриваться как попытка объединить «под одной крышей» социально-философскую традицию экзистенциального измерения русской идеи и социологическую традицию функционального её изучения. Настоящее исследование и данный раздел в частности призваны показать, осталось ли что-то от традиционной русской идеи в мечтах наших сограждан, в чем состоит специфика «русской мечты», связаны ли мечтания россиян с их потребностями и интересами, насколько эти мечтания противоречивы и можно ли определить социальный портрет носителя русской мечты в противовес тем, кто к мечтаниям не склонен.

Эти вопросы, центральные для нашего исследования, предполагают прежде всего понимание того, есть ли у россиян мечта в принципе. Здесь необходимы некоторые пояснения, поскольку данный сюжет не так очевиден, как может показаться на первый взгляд. Поскольку мечта, с одной стороны, может содержать жизнеутверждающие ориентиры, цели и смыслы

¹ См., например, *Баталов Э.Я.* Русская идея и американская мечта. – М.: Прогресс-Традиция, 2009; *Бердяев Н.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. – Париж: YMCA-Press, 1946. *Розанов В.В.* Война 1914 и русское возрождение, 2 изд. – П., 1915 и др.

² *Здравомыслов А.Г.* Потребности. Интересы. Ценности. – М. Политиздат, 1986; *Здравомыслов А.Г.* Социология: теория, история, практика. – М.: Наука, 2008.

жизни, а с другой – подкреплять определенное эмоциональное состояние человека, то для исследователя уже одно наличие мечты у людей может выступать неким маркером их жизненной позиции, а отсутствие мечтаний – говорить о глубокой степени личностного и общественного отчуждения.

Это особенно важно с учетом того, что сегодня мы живем в «другой России», которая не похожа ни на Россию «советскую», ни на Россию середины 90-х гг. XX века. Наша страна переживает сейчас то самое время, когда радикальные реформы начинают проявляться в виде отсроченных качественных изменений, причем практически во всех ключевых направлениях развития экономики и общества. Так было и после отмены крепостного права, когда социальная структура села и определяющий её принцип экономических отношений перешли в свое качественно иное состояние лишь к середине 80-х годов XIX века³. Так происходит и сейчас, когда в обществе начинают проявляться ростки новой гражданской и межличностной солидарности.

Вместе с тем, переживаемый сегодня Россией опыт во многом уникален для нашей страны, поскольку отечественная история еще не знает периода столь длительного существования в условиях капитализма, классовой социальной структуры и развитой системы общественного разделения труда. В этом отношении мечтания выступают лакмусовой бумажкой, позволяющей зафиксировать способ приспособления россиян к этой новой непростой реальности, а в некоторых аспектах – и вектор сопротивления ей.

Анализ классической литературы и работ российских философов конца XIX- начала XX веков показывает, что русский человек не склонен заимствовать «творческий уклад» других народов. Более того – все попытки прямого заимствования чуждой «волевой и умственной культуры» для России всегда были безнадежны⁴. Тем не менее, вот уже два века в России не прекращаются попытки импортировать чуждые российской культуре «смыслы» – и это в условиях, когда в стране еще не сложилась соответствующая им социально-экономическая среда, или, по крайней мере, среда, хотя бы в ощутимой мере схожая с той, в которой эти «смыслы» изначально были произведены.

Изменилась ли ситуация в условиях двадцатилетнего господства в стране капиталистических отношений, которые тянут за собой соответствующую культуру и духовный мир? Ответить на этот вопрос можно, обратившись в первую очередь именно к анализу мечтаний россиян, ведь именно мечты конкретных людей гораздо более чутки к изменению внешней среды, чем ценности и нормы, тесно с ними связанные, но гораздо жестче закрепленные в общественном сознании. Вот почему сегодня данная тема становится не просто интеллектуальным дежа-вю. Это вполне реальная проблема, причем не только с точки зрения обоснованности предложений о ряде институциональных и культурных заимствований⁵, но и с позиции сохранения российской культурной специфики в условиях глобальной конкуренции, открытости рынков и связанной с ней мобильности капиталов, то есть той системы отношений, в которые Россия все последние 20 лет старалась максимально интегрироваться.

Результаты проведенного исследования позволяют с уверенностью утверждать, что россияне не просто сохранили в этих условиях способность мечтать, но мечта является естествен-

³ См. подробно: *Энгельгардт А.Н.* Из деревни: 12 писем: 1872-1887. – СПб.: Наука, 1999.; *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.). В 2 тт. 3-е изд. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.

⁴ Ильин И.А. О Русской идее. – Мюнхен, 1948.

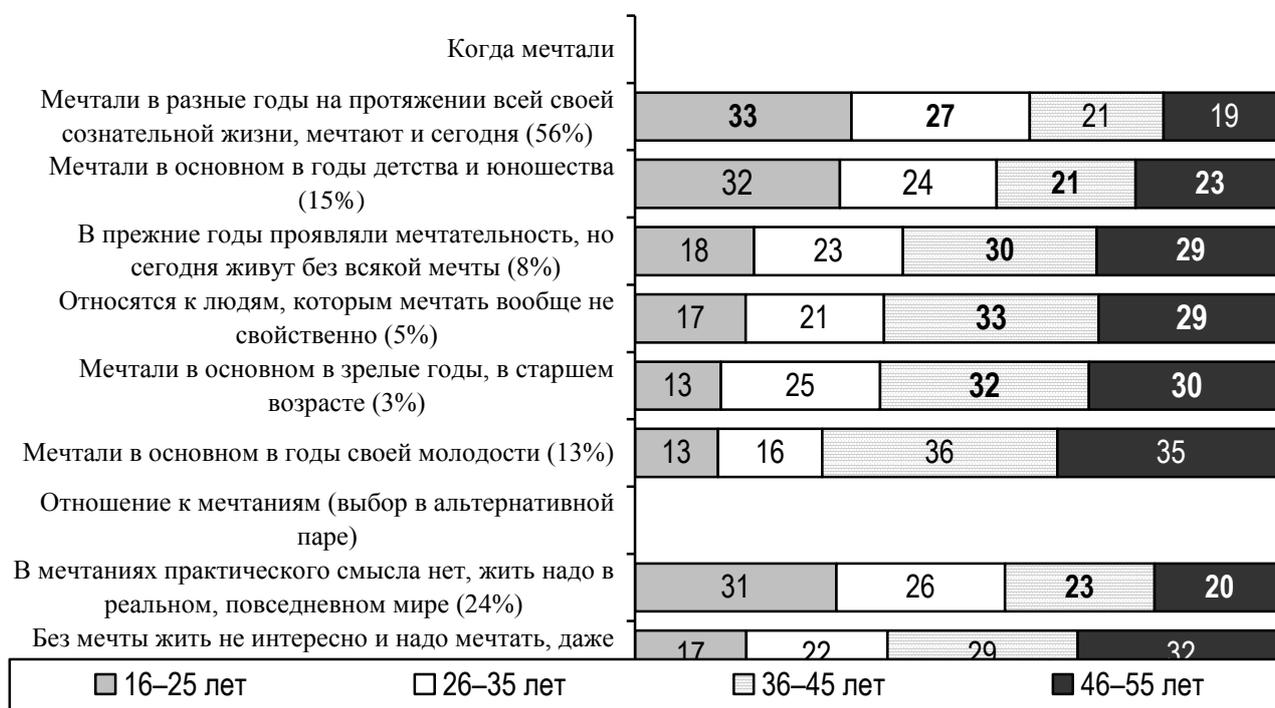
⁵ *Полетрович В.М.* Трансплантация экономических институтов // *Экономическая наука современной России*, № 3, 2001; *Кузьминов Я., Радаев В., Яковлев А., Ясин Е.* Институты: от заимствования к выращиванию (опыт российских реформ и возможности культивирования национальных изменений) // *Вопросы экономики*, №5, 2005.

Аникин В.А. Мечты о себе и об обществе – в кн. *О чем мечтают россияне (размышления социологов)* / под общ. ред. 2 Горшков М., Крумм Р., Петухов В. – М.: «Весь мир», 2012.

ным и почти обязательным элементом их жизни. Лишь 5% россиян заявили о том, что они относятся к людям, для которых мечтания вообще не характерны, и еще 8% сказали о том, что раньше у них были мечты, но в настоящее время они живут без них. Ниже в разделе будет показано, что заставляет людей отказываться от их мечты или вовсе не мечтать. Пока важно зафиксировать, что наличие у подавляющего большинства россиян мечты уже говорит о том, что несмотря на все трудности, с которыми сегодня сталкивается российская экономика, невзирая на увеличивающийся разрыв между богатыми и бедными и отсутствие каких-либо внятных ориентиров духовного и нравственного развития, российское общество сохраняет в себе определенный энергетический потенциал стремлений к лучшему.

Насколько однородно представлен этот потенциал в российском обществе, существуют ли социально-демографические лакуны его сосредоточения – другими словами, кто мечтает чаще – молодые люди или представители старших поколений, мужчины или женщины, богатые или бедные, занятые умственным или физическим трудом, наконец, работающие россияне или безработные? Все это базовые характеристики человека в современном обществе, характеризующие как его приписанные статусы, так и статусы достигаемые, связанные с его положением на рынке труда.

Как показали результаты нашего исследования, в разном возрасте стремление мечтать проявляется по-разному, а сама *мечтательность характерна в большей степени для молодого поколения*. 27% респондентов прямо признаются, что мечтали в основном в годы молодости, детства и юношества. И хотя большая часть россиян (56%) отмечает, что мечтали в разные годы на протяжении всей своей сознательной жизни, продолжают мечтать и сегодня, практически две трети из них – также представители поколения до 35 лет (рис. 1.1).

Примечание: Жирным цветом отмечены доли респондентов тех возрастов, которые формируют возрастной портрет соответствующей группы. В скобках указаны проценты от общего числа опрошенных по каждой позиции. Здесь и далее при указании статистически значимых результатов (при выделении их жирным цветом в таблице или на рисунке) критерием значимости служило значение отклонения наблюдаемой частоты от ожидаемой, измеряемое в числе стандартных отклонений (σ_{ij}). В настоящем исследовании критерием определен 5%-ный порог уровня значимости ($1,65\sigma_{ij}$), соответствующий, по меньшей мере, двум таким отклонениям.

Рисунок 1.1

Возрастной состав респондентов в зависимости от их склонности к мечтаниям, %

Вместе с тем, нельзя сказать, что мечтательность характерна для современной молодежи в большей степени, чем для предшествующих поколений россиян – скорее можно говорить об обратном. Как видно из рисунка 1.1, именно молодое поколение сегодня определяет портрет «прагматиков», считающих, что в мечтаниях нет практического смысла и жить надо в реальном повседневном мире, а поколения «за 35» – это преимущественно те, кто считает, что без мечты жить неинтересно.

Во многом такого рода «прагматизм» связан с ощущением людьми невозможности реализации их мечтаний в профессиональной области, карьерной сфере и производственной деятельности, что выявляет объективную природу этого прагматизма. Так, большая часть (56%) тех россиян, которые отмечают, что в мечтаниях практического смысла нет и жить надо в реальном повседневном мире, признаются, что, несмотря на наличие соответствующего желания, они вряд ли смогут получить престижную или интересную работу, заниматься любимым делом или же сделать профессиональную, общественную и политическую карьеру⁶. Причем, если спрашивать о причинах, по которым их жизненные планы остаются не реализованными, то они чаще других говорят, что к этому особенно не стремились (22% против 18%⁷), в то время как склонные к мечте россияне чаще других сетуют на недостаточность прилагаемых ими усилий (31% против 28%) – видимо, это реакция на ситуацию по типу «виноград зелен».

Вместе с тем, полученные данные показывают: представители старших возрастов не только были в большей степени склонны к мечтательности в молодости, чем сегодняшняя российская молодежь, но многие из них не готовы расставаться с мечтами и в своем нынешнем возрасте. Это значит, что *несмотря на то, что мечтательность в современной России по-прежнему является уделом скорее молодежи, склонность к мечтаниям среди россиян по мере смены поколений утрачивает характер нормы.*

Возможно, это связано именно с большей открытостью социальной структуры, которая наблюдалась в советские годы, и с большей вероятностью тогда реализовать свои мечты. Так, 44% опрошенных россиян, мечтавших в основном в годы своей молодости, оценивают свой статус как более высокий по сравнению с тем, который занимали их родители в том же возрасте. В целом же, наличие мечты является значимым маркером ощущения восходящей социальной мобильности, в то время как ее отсутствие скорее будет свидетельствовать о том, что человек воспринимает свой статус как более низкий по отношению к тому, который имели в том же возрасте его родители.

Как видно из таблицы 1.1, высокий социально-экономический статус вообще повышает вероятность того, что у человека есть мечта, в то время как бедность и нужда данную вероятность снижают. Наряду с этим, также влияют на вероятность того, мечтает ли человек, его пол (женщины более склонны мечтать), профессиональный статус (в наименьше степени склонны к мечтательности рабочие), уже упоминавшейся выше возраст и ряд других факторов (табл. 1.1).

Таблица 1.1

⁶ Использовалась переменная бинарного характера, которая представляет собой сумму ответов на вопрос «Хотелось бы, но вряд ли смогут этого добиться» по следующим категориям: а) получить престижную работу, б) заниматься любимым делом, в) иметь интересную работу, г) сделать карьеру (профессиональную, политическую или общественную).

⁷ Здесь и далее, также как на рисунке 1.1, приведены статистически значимые отличия от средних на уровне $p \leq 0,5$. Использовался тест Хи-квадрат, позволяющий оценить, насколько отклонения наблюдаемой частоты от ожидаемой, измеренное в числе стандартных отклонений (Adjusted Residual $[Z_{ij} = (N_{ij} - E_{ij}) / \sigma_{ij}]$), является случайным. Аникин В.А. Мечты о себе и об обществе – в кн. *О чем мечтают россияне (размышления социологов)* / под общ. ред. Горшков М., Крумм Р., Петухов В. – М.: «Весь мир», 2012. 4

Доли респондентов из разных социальных групп в составе имеющих или не имеющих мечту, %

Наличие/отсутствие мечты	Группы, выделенные по уровню жизни ⁸			
	Страты 1–3	Страты 4–5	Страты 6–8	Страты 9–10
Есть мечта	5	48	34	13
Нет мечты	12	63	18	7
<i>Доля соответствующих страт в целом по массиву</i>	6	49	32	13
	Возрастные когорты			
	16–25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46–55 лет
Есть мечта	29	26	24	21
Нет мечты	11	14	33	42
<i>Доля соответствующих возрастных когорт в целом по массиву</i>	28	25	24	23
	Мужской		Женский	
Есть мечта	43		57	
Нет мечты	64		36	
<i>Доля соответствующих гендерных групп в целом по массиву</i>	45		55	
	Социально-профессиональные группы ⁹			
	1	2	3	4
Есть мечта	12	38	15	35
Нет мечты	9	25	13	53
<i>Доля соответствующих социально-профессиональных групп среди всех занятых</i>	12	37	14	37

Социальный портрет тех россиян, у которых **нет мечты** (таковых по массиву всего 9%), еще более четкий и определенный. Три четверти из них – это бедные и малообеспеченные россияне, а каждый второй в их числе занят физическим трудом. Видимо, ключевой причиной жизни без мечты выступают для них крайне ограниченные возможности реализации своих стремлений почти во всех жизненных сферах (рис. 1.2). При этом стоит отметить, что у людей, не имеющих мечты, вообще реже встречаются практически любые жизненные цели и они чаще просто «плывут по течению». Показательно при этом, что те группы россиян, которые сегодня либо уже не мечтают, либо вообще не относят себя к склонным к мечтательности, не стали бы ни о чем просить даже «золотую рыбку», если бы им вдруг представилась возможность встретиться с ней (31 и 42 % соответственно при средних значениях по выборке 23%). Это является еще одним свидетельством их апатии и неверия в возможность что-то изменить в своей жизни к лучшему.

Группа россиян,

Жизненные

Группа россиян, у

⁸ В рамках исследования были выделены 10 страт, различающихся уровнем своего благосостояния (подробнее см. раздел 7), среди которых 1-ая страта предполагала самый низкий, а 10-ая страта – самый высокий уровень благосостояния.

⁹ Группы, обозначенные цифрами 1–4, включают в себя представителей следующих профессиональных статусов: 1 – предприниматели с наемными работниками, самозанятые и руководители всех уровней; 2 – «белые воротнички» – специалисты, помощники специалистов, конторские служащие; 3 – рядовые работники торговли или сферы бытовых услуг; 4 – рабочие, занятые физическим трудом. Данные приводятся по занятому населению.

Рисунок 1.2

Доли респондентов, различающихся степенью успешности в реализации своих жизненных целей, в зависимости от наличия или отсутствия мечты, %

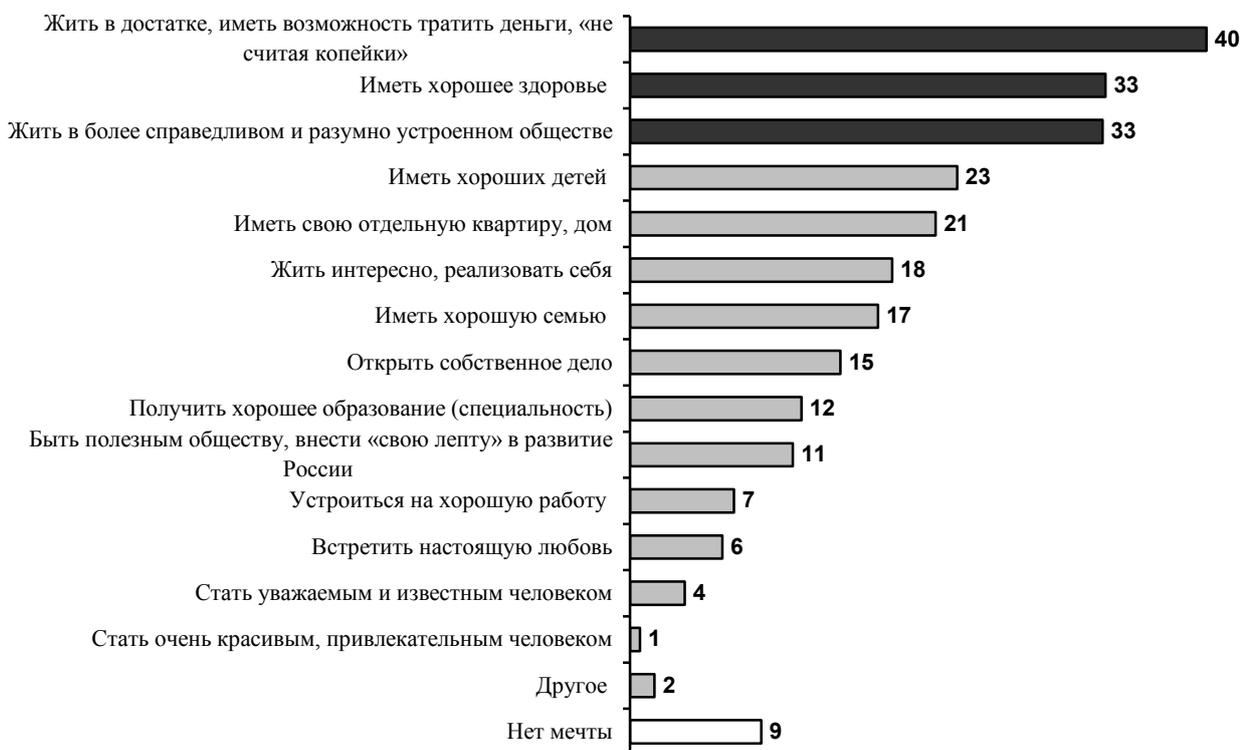
И хотя среди россиян, у которых нет мечты, все же встречаются успешные люди, реализовавшие свои цели в различных жизненных сферах (что видно из рисунка 1.2), все же в большинстве своем это люди, существующие с осознанием отсутствующих жизненных перспектив. Так, процент людей, которые хотят достичь поставленных целей, но понимают, что уже не смогут этого сделать, превышает среди россиян, у которых нет мечты, общие показатели по стране в среднем в два раза. При этом чем больше ресурсов требует цель и чем дальше она отодвинута от реальных насущных потребностей человека, тем меньше вероятность того, что она будет выбираться в качестве жизненного ориентира этой группы и тем чаще даже в случае ее выбора будет ощущаться ее недостижимость. Особенно велики эти перепады в отношении таких целей как успешная карьера, престижная и интересная работа, возможность заниматься любимым делом.

Таким образом, *отсутствие мечты у человека – яркий признак того, что ему «просто не до мечтаний».* В современном российском обществе сложилась ситуация, когда почти у десятой части населения не хватает сил и энергии даже на мечту, не говоря уже о конкретных действиях по изменению своей ситуации к лучшему. Можно сказать, что таким людям, с одной стороны, нечего терять, а с другой – не за что бороться, ибо борьба эта, как правило, заведомо бесперспективна. Не случайно среди них 46% (при примерно трети среди имеющих мечту) убеждены, что нужно уметь приспосабливаться к реальности, а не тратить силы на борьбу с ней.

Такова общая картина с наличием или отсутствием мечты в российском обществе. Однако при более детальном анализе в ней открываются новые грани, связанные с многообразием трактовки самого понятия «мечта» и чуткости респондентов к способам ее измерения. В итоге уникальность русского слова «мечта» ставит дополнительные барьеры не только для междуна-

родных сопоставлений в силу отсутствия адекватных аналогов этого слова во многих языках, например, в английском¹⁰, но и при статистических замерах специфики русской мечты разными способами.

Первый способ – это предложить респонденту ограниченный набор альтернатив, из которых он может выбрать определенное число позиций, характеризующих его мечтания. Вторая стратегия – дать человеку возможность самому сформулировать, чего бы он хотел. И тот, и другой тип вопросов использовался в нашем исследовании. Распределение ответов, полученных первым способом, представлено на рисунке 1.3.

Рисунок 1.3

О чем мечтают россияне, % (допускалось до трех вариантов ответа, отранжировано по доле разделяющих соответствующую мечту)

Как видим, самая популярная мечта россиян – **жить в достатке**, иметь возможность тратить деньги, «не считая копейки» (40%). Мечта **о хорошем здоровье** также входит в число наиболее популярных чаяний россиян. Эти две мечты просты и понятны каждому, и нет ничего удивительного в том, что они являются притягательными, особенно в условиях высокого уров-

¹⁰ При этом даже в английском языке мечта имеет свою «страновую» специфику, которую некоторые авторы связывают с субцивилизационными различиями (например, см. *Липкин А.И.* Россия между несовременными "приказными" институтами и современной демократической культурой // *Мир России*, 2012, № 4), проявляющимися, в частности, при сопоставлении «европейской мечты» и «американской мечты». Дж. Рифкин (*Rifkin J.* *The European Dream: How Europe's Vision of the Future Is Quietly Eclipsing the American Dream.* – N.Y., 2004) указывает на эти различия: «европейцы определяют свободу как принадлежность к обществу, а не как право на владение чем-либо... В отличие от Америки Европа придает особое значение общественным взаимодействиям, а не индивидуальной автономии; культурному разнообразию, а не ассимиляции; качеству жизни, а не накоплению материальных ценностей; устойчивому развитию, а не безудержному росту; глубоко продуманным действиям, а не изнурительному труду, а также придает особое значение всеобщим правам человека...» (цит. по *Шиманская Э.С.* К новой модели? О концепции Дж. Рифкина // *Прогнозы и стратегии*, №1, 2007, с. 115-116).

ня малообеспеченности в современной России. Этого, однако, не скажешь о третьей наиболее популярной в России мечте – «жить в более справедливом и разумно устроенном обществе» (33%). Какой бы ни была мотивация человека при выборе этого ответа на вопрос о его мечтаниях, он вполне сознательно использовал одну из трех возможностей выбора именно данной мечты, которая от его личной жизни, казалось бы, далека. В чем причины этого – порассуждаем ниже, в других разделах доклада.

Далее по популярности следуют мечты, которые условно можно объединить в рамках распространенной в нашем обществе ценностной триады – «построить дом, посадить дерево, вырастить сына». Речь идет, как видно из рисунка 1.3, о желании воспитать хороших детей (23%), иметь собственный дом (21%) и хорошую семью (17%), реализовать себя (18%) и открыть собственное дело (15%). При этом мечты о хорошем образовании и хорошей работе распространены заметно меньше (12% и 7%, соответственно). Последнее в большей степени характерно для тех, кто на опыте людей из своего ближайшего окружения видит, какую отдачу можно получить в современной России на действительно качественное образование. Не случайно среди них 35% тех, чьи знакомые стали богатыми за счет наличия у них высокой квалификации и знаний – при 23% по стране в целом. Другими словами, *пример людей, поднявшихся по социальной лестнице в силу своих знаний и высокой квалификации, становится заразительным, по крайней мере, для части окружающих*. Однако не стоит переоценивать стремления россиян к просвещению. Как показывают результаты последнего исследования коллектива Института социологии РАН, за этим желанием у большинства россиян кроется скорее потребность в повышении формального уровня образования (попросту говоря в дипломе), нежели реальная потребность в получении качественного образования¹¹ и постоянном обновлении своих знаний.

Еще менее популярно сегодня мечтать о чем-то «романтическом» – встретить настоящую любовь (6%), стать знаменитым (4%) или просто красивым (1%) человеком. Видимо, российское население решает более насущные проблемы простого выживания, и ему пока не до своего отражения в зеркале. *Практически полное отсутствие в нашем обществе энергетики романтизма свидетельствует о том, что подобные стремления в нынешней России – это «элитарные» ценности, характерные скорее для верхних слоев общества*. Так, среди мечтающих встретить настоящую любовь или стать известным человеком доля представителей верхних двух страт составляет 22% и 28% соответственно, что вдвое превышает их относительную численность по стране.

Непопулярны в качестве мечты и другие стремления, которые демонстрируют россияне в различных опросах, в том числе проводимых Институтом социологии РАН. Так, например, в обществе активно обсуждается вопрос о том, что наиболее квалифицированная часть среднего класса готова эмигрировать за рубеж на постоянное место жительства, что может оказаться чувствительным для российской экономики. Однако наше исследование показывает, что в качестве мечты для россиян это непопулярное желание, и его разделяют не более 2% населения страны. Однако здесь все же есть повод для беспокойства, так как показатель эмиграции квалифицированной рабочей силы из России в страны ОЭСР составляет ныне 270 тыс. человек в

---

¹¹ См. подробно: Тихонова Н.Е. Социальный статус и мобильность россиян. – в кн. Двадцать лет реформ глазами россиян / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. – М.: Весь мир, 2011. Та же тенденция прослеживается и в настоящем исследовании при ответах людей на вопрос о том, чего бы они хотели попросить у «золотой рыбки». Лишь половина из всех, кто попросил бы образования для себя и детей (то есть из 6% опрошенных россиян), подразумевает под ним образование «хорошее» или «качественное».

год¹² (0,2% населения). Другими словами, у этой негативной тенденции есть потенциал расширения по меньшей мере в 10 раз, который, в случае его реализации, действительно будет чувствителен для страны, так как затронет уже около 2,5 млн. граждан экономически активных возрастов.

Однако эмиграция – лишь одна из возможных реакций для тех, кого не устраивает тот факт, что за последние 20 лет в российском обществе постепенно усиливалась тенденция атомизации и получали все большее распространение ценности выживания¹³. Другая возможная реакция – следование ценностям «гражданского альтруизма». И хотя таких россиян всего 11% (рис. 1.3), можно надеяться, что доля их будет расти, учитывая, что мечта «Быть полезным обществу, внести “свою лепту” в развитие России» как бы «подпитывается», вытекает из социокультурной нормы «гражданского альтруизма», которая присутствует у каждого второго россиянина (к чему мы еще вернемся ниже).

Следующий важный вопрос состоит в том, *мечтают ли россияне о «высоком»*, насколько соответствующие жизненные идеалы укоренены в нашем обществе и какие социальные группы являются их выразителями. Подобный вопрос особенно актуален в связи с произошедшими за последние двадцать лет сдвигами в морально-нравственном облике наших сограждан¹⁴. События и процессы последнего времени обострили ставший традиционным для России спор между сторонниками эгоистических жизненных установок и ревнителями коллективистских ценностей. Проведенное исследование показало актуальность и масштаб деления россиян по этому признаку, по крайней мере – на уровне норм, характерных для их мировоззрения. 52% россиян **желают быть полезными государству и обществу**, в то время как 48% **хотят жить так, как им хочется**, т.е. российское общество делится по готовности разделять данную норму (что, разумеется, не означает прямого следования ей) практически пополам. Это важно подчеркнуть, т.к. в подобном случае речь идет не просто о двух противоположных социокультурных нормах, но и вытекающих из них разных типах мировоззрения в целом. При этом различия между их сторонниками не обусловлены ни разным уровнем жизни, ни различиями, связанными с принадлежностью к основным социально-демографическим группам (молодежи, работающим/неработающим гражданам, мужской/женской части населения и т.п.). Частично принятие той или иной из этих норм связано с профессиональной позицией, и то лишь, когда речь идет о крайних полюсах профессиональной структуры – рабочих невысокой квалификации и специалистах с высшим образованием.

Так, рабочих, особенно 3-4 разряда, чаще обычного можно встретить среди россиян, желающих жить, как им хочется, без учета интересов общества. Это коррелируется с тем, что социальный портрет россиян, отдающих предпочтение данной ценности, на 70% формируют люди с образованием не выше среднего специального (при 63% людей с этим уровнем образования по массиву в целом), и 22% их составляют те, кто никогда не пользуется персональным компьютером (при 19% по массиву в целом). Кроме того, среди россиян, желающих жить, как им хочется, которых для краткости можно условно назвать «**социальными анархистами**»¹⁵,

¹² Статистика по миграции в страны ОЭСР приведена по изданию: *Docquier F., Lowell B., Marfouk A. A Gendered Assessment of The Brain Drain // Policy Research Working Paper 4613. The World Bank. May 2008.*

¹³ *Inglehart R.F., Norris P. Cosmopolitan Communications: Cultural Diversity in a Globalized World. – New York: Cambridge University Press, 2009.*

¹⁴ *Седова Н.Н. Сдвиги в морально-нравственных ориентациях россиян. – в кн. Двадцать лет реформ глазами россиян / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. – М.: Весь мир, 2011.*

¹⁵ Важно подчеркнуть, что это совсем не тот «созидательный» анархизм, о котором писал Н. Бердяев (*Бердяев Н. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. – Париж: YMCA-Press, 1946.*). В Аникин В.А. Мечты о себе и об обществе – в кн. *О чем мечтают россияне (размышления социологов) / под общ. ред. Горшков М., Крумм Р., Петухов В. – М.: «Весь мир», 2012.* 9

люди с низкими доходами встречаются чаще, чем в целом по массиву¹⁶. Среди них значительно чаще можно встретить людей, которые перестали мечтать в последние годы – каждый десятый из них отмечает, что в прежние годы проявлял мечтательность, но сегодня живет без всякой мечты. Такая апатия, вызванная сложными жизненными условиями, сочетается в этой группе с повышенной долей прагматиков (29%).

Что же касается сторонников коллективистских ценностей, которых для краткости условно можно назвать «**социальными альтруистами**», то в их среде показатель тех, кто не видит в мечте никакого практического смысла, в разы ниже, чем у «социальных анархистов». Отличают их и другие особенности. Так, доля занятых нефизическим трудом в их составе достигает 42% (при 29% по массиву в целом). Основу данной группы формируют специалисты, работающие на должностях, предполагающих наличие высшего образования. Именно они – те люди, которые чаще могут «позволить себе мечтать», причем и на словах (воспринимая мечту как норму), и «на деле» (в собственной жизни). Не случайно 80% из их числа считают, что без мечты не интересно жить и надо мечтать, даже если воплотить мечту маловероятно (при 71% у «социальных анархистов»). Кроме того, 94% их говорят, что у них есть мечта (при 87% у «социальных анархистов»), а 61% признаются, что мечтали в разные годы на протяжении всей своей сознательной жизни, мечтают и сегодня (при 52% у «социальных анархистов»).

Ценность социального альтруизма чаще находит отклик в сердцах представителей не только относительно более успешных слоев населения (материальное положение за последние три года улучшилось у 44% из них, а 39% оценивают свое общественное положение как более высокое, чем то, которое занимали их родители в том же возрасте – при 30% и 36% по массиву в целом соответственно), *но и больше тяготеющих к ценностям православной культуры*. Не случайно среди них чаще можно встретить тех, кто считает символом народной мечты Владимира Красное Солнышко (11%) и святых подвижников (Сергия Радонежского, Серафима Саровского, Матроны Московской и др.) (17%) – при 7% и 14% по массиву в целом соответственно.

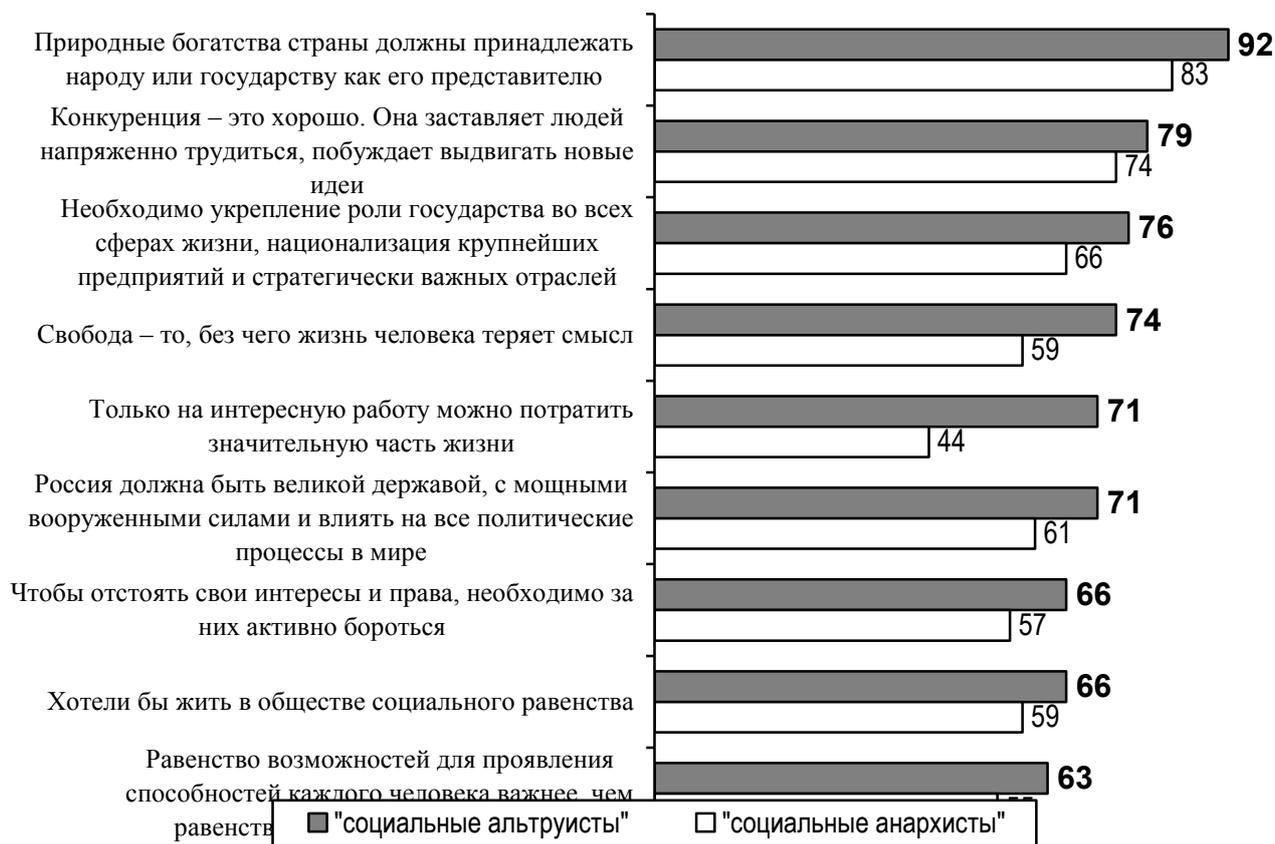
Очень важно подчеркнуть также, что *по своему социокультурному типажу «социальные альтруисты» представляют собой квинтэссенцию традиционной и все еще доминирующей в российском обществе ценностной модели*. Не случайно все ценностные установки, которые разделяются большинством населения, в их составе встречаются чаще, чем в среднем по массиву. В наибольшей степени это касается ценностей свободы и интересной работы при относительно меньшей значимости для них ценности материального благосостояния (рис. 1.4).

некотором смысле выделенный феномен массового сознания россиян, который мы назвали «социальным анархизмом», является уже выродившимся типом того анархизма, о котором писал философ, и прежде всего – по причине отсутствия в нем эсхатологического пафоса, «богатырского» начала, а также «коммюнитарности и братства людей и народов».

¹⁶ Медиана доходов была выделена для каждого типа поселения в отдельности, что позволяло частично учесть различия в стоимости жизни в зависимости от места жительства. Группа с доходами менее медианы доходов их в определенном типе населенных пунктов составила 47% от всего массива респондентов, от 1 до 1,5 медиан – 28%, от 1,5 до 2 медиан – 15% и свыше двух медиан доходов – 10% респондентов.

Аникин В.А. Мечты о себе и об обществе – в кн. *О чем мечтают россияне (размышления социологов)* / под общ. ред. 10 Горшков М., Крумм Р., Петухов В. – М.: «Весь мир», 2012.

Рисунок 1.4

Доли «социальных альтруистов» и «социальных анархистов», разделяющих те или иные нормы, ценности и установки, %

Кроме того, как видно из рисунка 1.4, «социальные альтруисты» чаще, чем в целом население страны, одобряют конкуренцию (79% при 74% у «социальных анархистов»), считая, что она заставляет людей напряженно трудиться и побуждает их выдвигать новые идеи. Чаще уверены они и в том, что за свои интересы и права необходимо активно бороться (66% при 57% у «социальных анархистов») или готовы тратить значительную часть жизни только на интересную работу (71% при 44% у «социальных анархистов»). Они выше ценят равенство возможностей, считая, что для проявления способностей каждого человека это важнее, чем равенство доходов и условий жизни (63% при 55% у «социальных анархистов») и убеждены, что свобода – это то, без чего жизнь человека теряет смысл (74% при 59% у «социальных анархистов»). При этом 66% их выступают за общество социального равенства (понимаемого как общества равных возможностей), в то время как среди «социальных анархистов» эту ценность поддерживают лишь 59%. Другими словами, «социальных альтруистов» отличает более активная жизненная позиция, которая обычно сочетается у них с ценностями солидарности и равенства шансов для всех.

Кроме того, гражданская позиция «социальных альтруистов» предполагает наличие сильного государства, активно присутствующего в экономике и социальной сфере, что также согласуется с позицией большинства россиян. Так, 92% из них уверены, что природные богатства страны должны принадлежать народу или государству как его представителю (при 83% у «социальных анархистов»), а 76% выступают за необходимость укрепления роли государства во всех сферах жизни, национализацию крупнейших предприятий и стратегически важных от-

раслей (при 66% у «социальных анархистов»). При этом 71% их считает, что Россия должна быть великой державой, с мощными вооруженными силами и влиять на все политические процессы в мире (при 61% у «социальных анархистов»).

Фактически, именно ценности «социальных альтруистов» и формируют портрет национального проекта развития – той модели общества, к которой тяготеют россияне и которая, с учетом специфики комбинации в нем его составных частей, является сугубо российским цивилизационным проектом. При этом этика справедливости и служения не только не противоречит в данной группе рациональным достижительным ценностям, но и дополняет их. Так, доля россиян, которые убеждены, что их собственная мечта полнее и ярче всего воплотилась в сказке «Золушка» (т.е. мечта о том, что добродетель и трудолюбие рано или поздно будут вознаграждены), достигает в составе «социальных альтруистов» 43% (при 36% в случае с «социальными анархистами»).

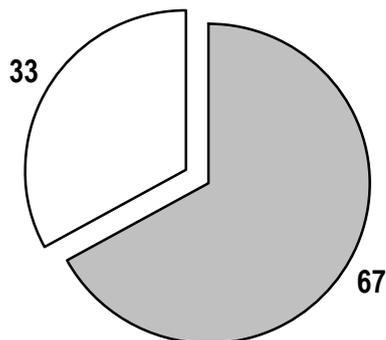
Здесь стоит обратить внимание на то, что сторонники того, чтобы «жить, как хочется», которых мы назвали «социальными анархистами», характеризуются распространенностью взглядов, которые подтверждают их неготовность к принятию любого жестко контролируемого общественного порядка, а не просто их нежелание «служить обществу». Это подтверждает справедливость данного им нами условного наименования. Не случайно представители этой группы отличаются скепсисом в отношении любых известных деятелей прошлого, которые четко несут на себе печать определенного общественного порядка, каким бы он не был. Так, каждый третий из них считает, что никто из деятелей прошлого, да и настоящего, не является символом мечты русского народа, а среди тех, кто находит такового, чаще, чем в целом по массиву, предпочтение отдается такому историческому персонажу как Степан Разин.

Кроме того, 38% в составе «социальных анархистов» (при 27% у «социальных альтруистов») указывают, что ни один из исторических периодов развития России не соответствует их идеалам. И если они все же выбирают какой-то один из них, то чаще всего это период демократических реформ 1990-х годов, т.е. период перехода от одного типа общества к другому, характеризовавшийся максимально высокой нестабильностью. В данном отношении неудивительно электоральное поведение «социальных анархистов» – 4% их на президентских выборах 4 марта 2012 г. вычеркнули всех кандидатов, 8% отдали голос за В.Жириновского, а 26% вообще не принимали участия в выборах.

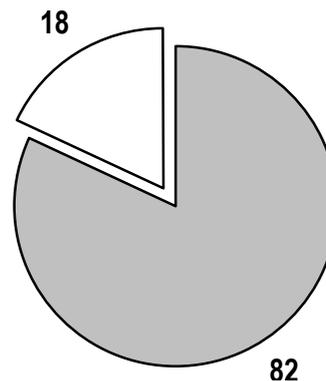
В отличие от них, «социальные альтруисты» в гораздо большей степени составляют электоральную основу и социальную базу поддержки В.Путина. И это не случайно – подавляющее большинство их (80% при 72% у «социальных анархистов») считают, что при всех своих недостатках нынешняя власть все-таки заслуживает поддержки, 36% (при 29% у «социальных альтруистов») уверены, что единственный период в истории России, который в наибольшей степени соответствует их представлениям о том, какой она должна быть, – это современный период, «путинская» эпоха.

В то же время, идеализировать «социальных альтруистов» не стоит. Лишь 33% из них одобряют норму, что жить стоит только ради какой-то большой общей цели, которая бы объединила всех россиян, а не ради собственных интересов и интересов своей семьи. Это наглядно демонстрирует ограниченность пределов альтруизма даже в данной группе, ведь как только мечта жить ради высокой цели начинает «чего-то стоить» самому человеку, число «социальных альтруистов» сокращается ровно в два раза. Однако доля готовых на это среди них все же намного выше, чем среди «социальных анархистов» (рис. 1.5).

«Социальные альтруисты»

«Социальные анархисты»

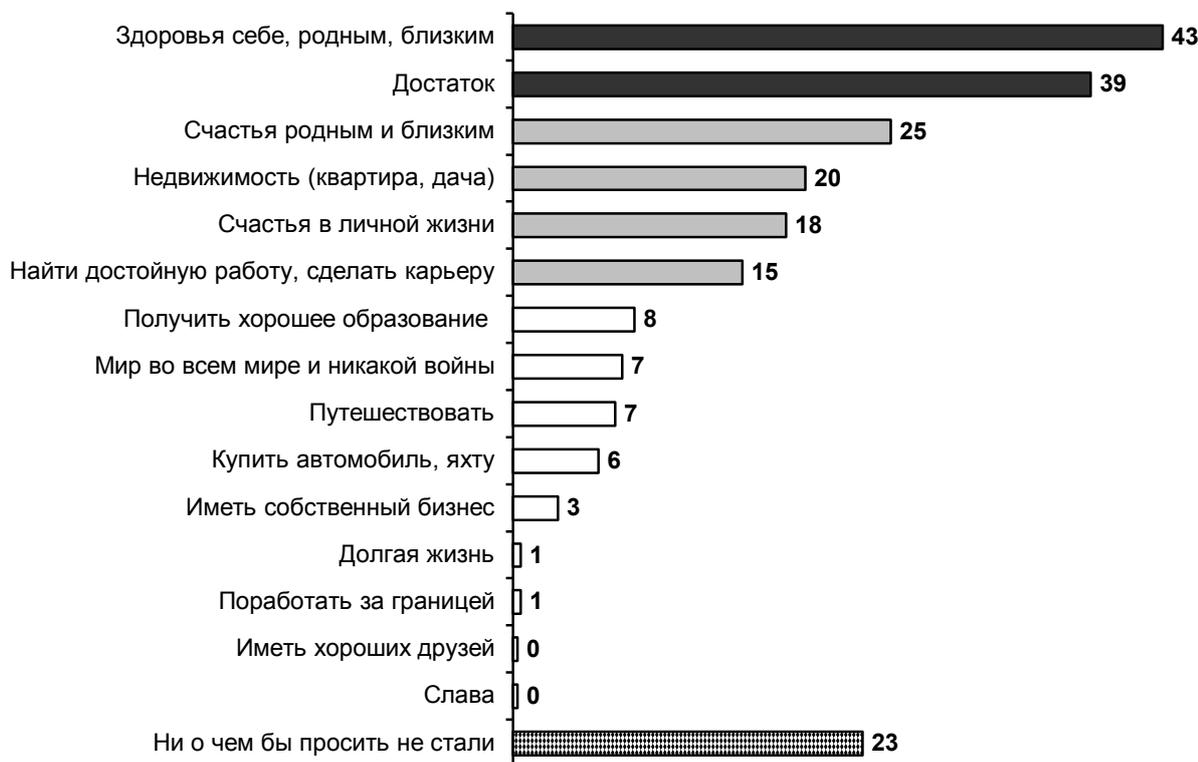
- Для меня, в основном, важно мое собственное благополучие и благополучие моей семьи, а все остальное – второстепенно
- Жить стоит только ради какой-то большой общей цели, которая бы всех нас объединила

Рисунок 1.5

Доли «социальных альтруистов» и «социальных анархистов», стремящихся жить ради какой-то общей цели либо только ради собственного и семейного благополучия, % (выбор в альтернативной паре суждений)

Отражаются эти установки и в мечтаниях россиян. Подавляющее большинство из них мечтают сегодня скорее о том, чтобы что-то получить, чем что-то отдавать. Так, всего 11% населения Росси в число трех основных своих мечтаний включили желание оказаться полезным обществу, внести свою лепту в развитие страны. *Фактически идеалы служения и прочие «высокие мечты» не относятся сегодня в сознании россиян к числу ведущих, хотя и 11% тех, кто предпочел их не только собственному благополучию, но даже счастью близких – сам по себе довольно высокий показатель.*

Тем не менее, по мере перехода от абстрактных норм и ценностей к интересам, которые выражаются в мечтах, и далее – к конкретным потребностям, которые выступают предметом текущего запроса, для россиян постепенно деактуализируется стремление к «высокому». Это получило яркое отражение в ответах респондентов на открытый вопрос о том, с какими просьбами они обратились бы к «золотой рыбке», где уже не было вариантов ответов, «подсказанных» социологами. В этом случае состав запросов россиян свелся в основном к желаниям, выраженным в терминах микрокосма человека, то есть связанным с ним лично или с его семьей, близкими людьми (рис. 1.6).

Примечание: Агрегированные данные по открытому вопросу, формулировка которого выглядела следующим образом: «А теперь представьте себе, что Вы поймали «золотую рыбку», и она готова выполнить три Ваших желания. Напишите, пожалуйста, о выполнении каких желаний Вы бы ее попросили»

Рисунок 1.6

О чем бы россияне попросили «золотую рыбку», % (допускалось до трех вариантов ответа, отранжировано по доле назвавших соответствующее желание)

Здесь важно отметить, что на рисунке представлена одна из возможных форм кодировок открытого вопроса. При погружении в непосредственные тексты желаний, которые оставляли люди в анкетах, редко (на уровне 1%), но встречаются чаяния о великом будущем своей страны. Интересно при этом, что мечта о служении государству и обществу в сознании россиян, ее разделяющих, статистически не связана практически ни с какой мечтой, относящейся к микрокосму человека, наоборот – она «работает» скорее на сокращение вероятности встретить у этих людей определенные мечты, относящиеся к их личной жизни (стремление к личному обогащению, мечту о хорошем здоровье, желание устроиться на хорошую работу или встретить настоящую любовь).

За желанием «здоровья себе и близким» в 50% случаев стоит реальная потребность в лечении (различных тяжелых заболеваний, а также алкоголизма или наркомании). А вот стремление к достатку означает обычное просто мечту много денег, причем, как правило, не заработанных, а выигранных в лотерею, или просто желание «иметь много денег на банковском счете» неизвестно откуда. Желание счастья близким скрывает за собой прежде всего мечты о благополучии, покое и стабильности для них, причем не только в личной жизни, но и в работе. Стремление к личному счастью связывается с любовью и нахождением своей «второй половинки», и крайне редко со «сладкой жизнью». За желанием «иметь недвижимость» стоят три разных мотива: а) наличие престижного жилья (квартира в определенной стране, регионе или городе, а также жилье большого метража, дом на берегу моря и проч.); б) улучшение жилищных условий, в) получение отдельного жилья (что характерно прежде всего для учащихся и военнослужа-

жащих, то есть тех групп населения, которые испытывают реальные потребности в жилье). Стремление к работе часто у россиян ассоциируется с понятием «хорошая работа», часто через запятую люди указывали при этом «высокооплачиваемая работа». Стремление к карьере при этом практически не выражено, и зачастую имеет стереотипические черты – «быть политиком», «стать олигархом», хотя встречаются и реальные запросы – «стать директором детского сада». Часто люди хотят успеха (под которым подразумевается достижение определенного положения путем приложения усилий) и удачи (которая ассоциируется с «волшебной палочкой»), причем в сознании россиян эти две ценности разведены.

Любопытно, что некоторые желания идут как бы единым блоком – например, дом на берегу моря, много денег, престижная машина; или, скажем, - здоровье, счастье себе и близким, мир во всем мире. Эти блоки желаний требуют отдельных исследований. В то же время, в ответах присутствовали и такие «экзотические» с точки зрения общества в целом варианты, как «желание бессмертия», «обладания островом» и т.п. Реальных знаний, навыков или способностей попросили бы немного россиян (не более 1%), и то 10-ая часть из них просила бы об удивительных способностях, а не о тех, которые помогли бы им в жизни (например, «научиться преодолевать гравитацию»). Стремления к позитивным преобразованиям в себе также крайне редки и связаны зачастую с желанием не достичь чего-то, а преодолеть определенное состояние, например, «лень», или «не стать нечестным». В желаниях россиян также совсем нет ностальгии по советскому прошлому как таковому, хотя встречаются ответы, отражающие тоску по сильному социальному государству, его опеке за незащищенными слоями населения – сиротами, бездомными, пенсионерами и проч.

Как видим, в большинстве своем мечты россиян во многом сосредоточены вокруг их реальных потребностей, и *разные мечты связаны с разным жизненным опытом*, отражают различия не только в мировоззрении, но и в жизненной ситуации людей. Русская идея, которую с таким трудом пытались сформулировать русские мыслители с конца XVIII, как видно, не находит пока своего воплощения в мечте современных россиян. Лишь идея справедливости является сегодня, пожалуй, единственным заметным окошком в camera obscura коллективного сознания наших граждан, чрез которое проходит свет традиционного для русской цивилизации типа восприятия жизни, политических институтов и общественного устройства. Несмотря на то, что на уровне потребностей мечта о жизни в справедливом и разумно устроенном обществе фактически растворяется в нуждах житейского плана, тем не менее, как значимая социокультурная ценность, подкрепленная к тому же определенным эмоциональным фоном, она раскрывает тот вектор развития страны, при котором можно было бы ожидать поддержки его действительно широкими массами населения.

Подведем итоги.

Сегодня можно уверенно говорить о том, что у подавляющего большинства россиян есть какая-нибудь мечта. При этом, несмотря на то, что мечты в современной России – это чаще все еще удел молодых людей, российская молодежь в меньшей степени склонна рассматривать мечту как норму и считать, что обязательно «надо мечтать», чем россияне средних и старших возрастов. В этом плане можно говорить о постепенно нарастающем прагматизме российских граждан.

Отсутствие мечты у конкретного человека – как правило, тревожный признак, свидетельствующий о его низком социально-экономическом и профессиональном статусе. Обычно отсутствие мечты предполагает в условиях России и отсутствие жизненной цели. Однако в тех

случаях, когда при отсутствии мечты цель наличествует, россияне часто лишены энергетики ее достижения и оптимизма в отношении возможности ее реализации. Социальная апатия в этой группе россиян проявляется в высокой степени безразличия их к планированию собственной жизни. При этом наличие мечты, напротив, в наибольшей степени характерно для благополучных слоев общества и вообще россиян, занятых нефизическим трудом, т.е. групп, характеризующихся ярко выраженным «активизмом».

Энергетика мечты, даже когда она существует, связана сегодня, как правило, со вполне «приземленными» ценностями. Наиболее популярные из них – это мечты о достатке (40%) и здоровье (33%). При этом мечты о красивой внешности или известности занимают в российском самосознании маргинальное положение. Это заметно отличает нашу страну, например, от США, где культ изящного тела, как и известности («звездности») возведен буквально в ранг национальной религии.

В России широко распространен «социальный анархизм» (48%), характеризующийся не только желанием «жить как хочется», но и скепсисом в отношении деятелей прошлого, в которых воплощается общественный порядок, каким бы он не был. При этом вероятность встретить «социального анархиста» мало различается в разных социальных группах. Однако более популярной в России до сих пор остается норма, согласно которой жить стоит только ради какой-то большой, общественно значимой цели. К сожалению, данная норма, занимая доминирующее положение в нормативной системе россиян, в заметно более скромном масштабе отражается сегодня в их мечтаниях и еще скромнее представлена на уровне их текущих запросов и потребностей. Это одно из свидетельств постепенной утраты Россией не только пассионарности населения, но и, отчасти, своей цивилизационной специфики, которая пока еще сохраняется на уровне исторической памяти, архетипов, идеалов и нормативно-ценностной системы в целом.

Излишне драматизировать подобную ситуацию не стоит – общество, большинство членов которого на уровне повседневной жизни руководствовались бы прежде всего абстрактными идеалами, а не своими текущими интересами, не только никогда не существовало, но и в принципе невозможно. Однако и недооценивать отмеченную тенденцию тоже было бы неправильно. За годы реформ россияне настолько погрузились в свои проблемы, а государство настолько самоустранилось из сферы целеполагания развития нации, что население страны постепенно начало утрачивать столь характерную для него ранее энергетику «большой цели», которая позволяла ему неоднократно совершать, казалось бы, невозможное – вспомним индустриализацию страны, восстановление ее экономики после Великой Отечественной войны, прорыв в космос, освоение целинных земель и многое другое, чем до сих пор справедливо гордятся россияне.

И если апатию и аномию неблагополучных слоев населения понять можно, то фиксируемое выхолащивание высоких идеалов из сознания представителей средних и верхних слоев общества ставит под вопрос перспективу модернизационного «прорыва». Ведь именно благополучные слои населения сегодня обладают той совокупностью ресурсов, которая необходима для осуществления модернизационного проекта. Только реанимация в этих слоях и в деятельности государства традиционных для России «этики служения» и идеалов справедливости, а также отражение их в реальных практиках на микроуровне, смогут препятствовать дальнейшему распространению атомизации, аномии и коммодификации национальной культуры. Другими словами, продвинутые слои населения сегодня должны взять на себя ответственность за реализацию «русского цивилизационного проекта», за воссоздание, оживление энергетики «русской мечты» и формирование перспективной стратегии развития страны.